Къ вопросу о торговыхъ сношеніяхъ Имперіи съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ.

95174-93

Ходатайство объ усиленіи существующихъ и установленіи новыхъ финляндскихъ пошлинъ подкрѣпляется тремя аргументами: 1) привилегированнымъ строемъ финляндскаго управленія; 2) возможностью провоза черезъ Финляндію контрабандньмъ способомъ тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые обложены въ Россіи пошлиною, и 3) сравнительною дешевизною финляндскаго производства, вслѣдствіе безпошлиннаго полученія машинъ и разнаго сырья изъ-заграницы, дешевизны водяной силы, древесной массы и т. д.

Цѣль настоящей записки — представить всесторонній и безпристрастный разборъ этихъ аргументовъ на основаніи оффиціальныхъ данныхъ и строго провѣренныхъ указаній опыта почерпнутыхъ изъ долголѣтнихъ торгово-промышленныхъ отношеній Россіи и Финляндіи.

Пошлины на товары во всѣхъ странахъ устанавливаются или съ чисто-фискальною цѣлью, или съ цѣлію поднятія отечественной промышленности и доставленія потребителямъ дешевыхъ туземныхъ продуктовъ, вмѣсто дорогихъ иностранныхъ. При установленіи пошлинъ никакое правительство не останавливается на вопросѣ о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть наложеніе пошлины на данные товары для той страны, изъ которой они привозятся. Скажемъ болѣе. Весьма часто установленіемъ пошлинъ имѣется даже прямо въ виду ослабить экономическое благосостояніе сосѣдней страны. Такова, напримѣръ, безъ сомнѣнія, вся современная таможенная политика князя Бисмарка.

Само собою разумѣется, что подобныя государственныя соображенія не могутъ имѣть мѣста въ торговыхъ отношеніяхъ между Россіею и Финляндіею? Въ вопросѣ о наложеніи пошлинъ на финлядскія произведенія мы имѣемъ дѣло съ *собственною* страною, съ частью нашего государственнаго организма. Можемъ-ли мы и, что еще важнѣе, имѣемъ ли мы нравственное или юридическое право смотрѣть на нее, какъ на страну, о блогосостояніи которой мы не обязаны заботиться въ такой-же мѣрѣ, какъ о благосостояніи всей остальной Россіи? Конечно, нѣтъ. Въ этомъ отношеніи, смѣемъ думать, не можетъ быть двухъ мнѣній потому, что всякій иной взглядъ на Финляндію, какъ часть нашего государства, привелъ-бы насъ къ политическому абсурду. Разъ мы желаемъ и должны считать Финляндію нашею собственностью, мы *обязаны* обходиться съ ея жителями, какъ съ нашими *равноправными подданными*. Поэтому жертвовать экономическими интересами Финляндіи и низводить ея экономическіе успѣхи къ нулю ради благополучія нѣсколькихъ русскихъ фабрикатовъ не представляется ни малѣйшихъ основаній. Какіе-бы счеты ни были между нашими производителями и финлядскими (а эти счеты, какъ извѣстно, всегда

БИБЛІОТЕКА

были чисто эгоистическаго, не государственнаго свойства), государство не можетъ въ нихъ вмѣшиваться.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не странно было-бы, если-бы правительству рекомендовались репрессивныя мѣры по отношенію къ какой-либо губерніи, въ виду ея экономическихъ успѣховъ на счетъ одной или нѣсколькихъ сосѣднихъ губерній? Если хотя на одну минуту допустить возможность такой нелѣпости, то едва-ли не всю Россію пришлось бы ограждать отъ Москвы, которая, несомнѣнно, живетъ, спекулируетъ и обогащается на ея счетъ. Чѣмъ, напримѣръ, Тверь, Курскъ и проч. хуже Москвы? Условія экономическаго прогресса въ этихъ губерніяхъ почти одинаковыя съ московскими и гегемонія Москвы — совершенно случайное явленіе. Если-бы Тверь, Курскъ и проч. обладали такимъ-же «именитымъ купечествомъ», какъ Москва, и такимъ-же безграничнымъ банковскимъ кредитомъ, какимъ пользуется это купечество, то они могли-бы смѣло конкуррировать съ нею и, быть можетъ, занять такое-же выдающееся мѣсто въ экономической жизни страны. Слѣдуетъ-ли отсюда, что Тверь и Курскъ могутъ требовать *ограниченія*, въ ихъ пользу, экономическихъ успѣховъ Москвы посредствомъ таможенной черты? Но, положимъ, Москва, Курскъ, Тверь, такъ сказать, ядро Россіи съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Возьмемъ Остзейскій край, Царство Польское и Кавказъ. Почему-же подобное требованіе не предъявляется къ этимъ окраинамъ, населеннымъ, по преимуществу, не русскими? Остзейскій

арство Польское, гдѣ фабричная промышъ Лодзи, получила большое развитіе, ма ощутительную конкурренцію даже съ спрашивается, никто не требуетъ уста- и обложенія пошлинами произведеній нѣкъ? Оттого, что это было-бы явнымъ абарственномъ, и въ спеціально-торговомъ давно и пронеслась курьезная молва о осковскимъ купечествомъ уступкѣ Герма- ѣло въ томъ, что, превративъ русскихъ къ, съ ними можно было-бы повести соежду тѣмъ, какъ только дѣло заходитъ о чи немедленно измѣняются. Тѣ-же русскіе бы, если-бы имъ предложили ограниченіе стзейскаго края или Царства Польскаго, езно разсуждать объ умѣстности такого , совершенно забывая о томъ, что Финлина, такая-же часть нашего отечества, рство Польское.

Откуда происходитъ это противорѣчіе, создающее такую путаницу въ понятіяхъ и заставляющее смотрѣть разными глазами на однородные предметы?

Единственнымъ оправданіемъ несправедливыхъ нападокъ на Финляндію выставляется, обыкновенно, политическая организація страны. Но искуственность этого аргумента слишкомъ очевидна, чтобы онъ могъ выдержать самую снисходительную критику.

Во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что политическая организація, дарованная финляндцамъ Верховною Властью, не исключаетъ ихъ *безусловнаго подданства Россіи;* во-вторыхъ, *какъ подданные*, они несутъ всѣ общегосударственныя повинности, наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ, и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ отдѣльныя группы кореннаго населенія, такъ какъ содержатъ на свой счетъ часть войскъ, всѣ свои учрежденія, учебныя заведенія и т. д. Поэтому, съ какой-бы точки зрѣнія ни смотрѣли нѣсколько русскихъ фабрикантовъ на политическія отношенія Финляндіи къ Россіи, послѣднія имѣютъ чисто государственный характеръ и не исключаютъ *обязан-*

ностей и заботъ нашихъ по отношенію къ финляндцамъ, какъ подданнымъ Россіи.

Разсматривая положеніе Финляндіи среди другихъ частей нашей Имперіи, мы, несомнѣнно, должны будемъ признать, что оно представляется наименѣе обезпеченнымъ въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Напримѣръ, въ случаѣ войны между Россіею и Англіею или Германіею, при блокадѣ балтійскихъ портовъ, Финляндія, безъ сомнѣнія, станетъ первою ея жертвою, и все ея экономическое благосостояніе рухнетъ въ нѣсколько недѣль. Кто-же, спрашивается, вознаградитъ ее тогда за всѣ понесенныя ею страшныя потери?.. Вопросъ этотъ остается открытымъ. Финляндія—наша собственность, Финляндія часть нашего цѣлаго и, поэтому, мы всѣми силами должны заботиться о томъ, чтобы этотъ членъ государственнаго организма былъ здоровый. Путемъ заставъ, таможенныхъ чертъ и, вообще, изоляціи достигнуть этого невозможно. Ограждая себя отъ Финляндіи, никакого ущерба нашей промышленности не наносящей,—что мы постараемся доказать неопровержимыми цифрами,—мы рискуемъ въ будущемъ создать себѣ такую-же обузу, какою представляютъ для насъ нынѣ, напримѣръ, Кавказъ и нѣкоторыя другія окраины, экономическое положеніе которыхъ, несмотря на ихъ естественныя богатства, крайне печально и служитъ для насъ источникомъ не обогащенія, а лишь тяжкихъ жертвъ. Раззорить Финляндію, конечно, не мудреное и не хитрое дѣло. Особаго искусства для этого не требуется. Путь запретительныхъ пошлинъ, объ установленіи которыхъ такъ сильно хлопочутъ нѣкоторые русскіе фабриканты, самый вѣрный въ этомъ отношеніи. Но, обогащая теперь нѣсколькихъ петербургскихъ или московскихъ фабрикантовъ, и безъ того собирающихъ обильную жатву, не придется-ли намъ въ будущемъ за каждый попавшій въ ихъ карманъ лишній рубль расплачиваться ежегодно сотнями и тысячами рублей на содержаніе обѣднѣвшей страны? Объ этомъ не мѣшаетъ подумать раньше, чѣмъ дѣлать рѣшительный шагъ въ извѣстномъ направленіи, какъ-бы въ отместку за, такъ называемыя, финляндскія «привилегіи».

Эти привилегіи тутъ не причемъ. Допустимъ даже на минуту, что онѣ теперь представляются уже полнѣйшимъ анахронизмомъ. Все-таки, мы не въ правѣ забывать того, что онѣ установлены Высочайшею волею въ силу извѣстныхъ историческихъ отношеній Финляндіи къ Россіи, что вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи этихъ привилегій не можетъ быть предметомъ сужденій двухъ-трехъ фабрикантовъ и, что вообще, не дѣло фабрикантовъ заниматься рѣшеніемъ общегосударственныхъ вопросовъ, а тѣмъ болѣе—съ своей спеціально-заводской точки зрѣнія. Необходимо разъ навсегда установить положеніе, что вопросъ о характерѣ мѣстнаго управленія, дарованнаго присоединеннымъ народамъ во вниманіе къ ихъ историческимъ традиціямъ и національной культурѣ или въ силу международныхъ договоровъ, не имѣетъ ничего общаго съ экономическимъ положеніемъ заинтересованныхъ сторонъ. Вопросъ этотъ долженъ быть обсуждаемъ самостоятельно и съ чисто-государственной точки зрѣнія, а не съ общей экономической или спеціально-заводской. Отъ смѣшенія этихъ разнородныхъ вопросовъ и происходитъ замѣчающаяся путаница въ понятіяхъ и совершенно ложное представленіе о дѣлѣ. Всѣ толкуютъ о привилегіяхъ, но никто не старается уяснить себѣ ихъ сущности и происхожденія. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, назвать привилегіей то самоуправленіе, которымъ пользуется Финляндія въ силу своихъ историческихъ и бытовыхъ условій! Если организація мѣстнаго управленія въ этомъ Великомъ Княжествѣ вполнѣ отвѣчаетъ исторически сложившимся потребностямъ его населенія, то это ничего, кромѣ пользы, приносить намъ не можетъ. Однимъ благоустроеннымъ уголкомъ больше—что-же въ этомъ дурного? Наконецъ, развѣ различіе

въ мѣстномъ управленіи можетъ служить преградою для развитія промышленныхъ сношеній между различными частями одного и того-же государства? Допустимъ, что правительство пожелало-бы сдѣлать надъ одною или нѣсколькими губерніями опытъ примѣненія началъ мѣстнаго управленія, выработанныхъ кахановскою коммиссіею. Въ правѣ-ли были-бы промышленные люди ссылаться на привилегіи, будто-бы дарованныя этимъ губерніямъ, и требовать установленія пошлинъ на привозимые изъ нихъ товары! Но вотъ наглядный примѣръ. Земскія учрежденія и новыя судебныя установленія вводились постепенно и многія мѣстности до сихъ поръ лишены значительной части реформъ минувшаго царствованія. Земство и гласные суды, понятно, сильно измѣнили физіономію тѣхъ мѣстностей, гдѣ они введены,—спрашивается: развѣ это даетъ тѣмъ частямъ нашего отечества, которыя до сихъ поръ остаются въ дореформенномъ состояніи, право требовать отдѣленія ихъ отъ остальной Россіи таможенной чертой? Казалось-бы, чего естественнѣе было-бы установленіе границы между Россіей и Сибирью, Кавказомъ и нашими средне-азіятскими владѣніями? Однако, ни Сибирь, ни Кавказъ не требуютъ таможенной черты и пошлинъ и даже ретивые публицисты объ этомъ ни словомъ не заикаются. Почему-же по отношенію къ Финляндіи они разсуждаютъ какъ разъ наоборотъ? Неужели-же они причисляютъ таможенную черту между нею и Россіею къ одной изъ «привилегій»? Финляндцы, какъ это достовѣрно можно сказать, никогда не домогались экономическаго обособленія отъ Россіи, и *если между ними проведена таможенная граница, то это случилось по иниціативѣ и въ интересахъ самой Россіи, а не финляндцевъ*. Правда, въ Финляндіи находится небольшой кружокъ «молодыхъ» людей – представителей шведскихъ традицій, которымъ очень лестно видѣть между Россіею и Финляндіею таможенную черту, придающую послѣдней въ глазахъ какъ финляндцевъ, такъ и русскихъ характеръ совершенно независимаго, иностраннаго государства; но это, именно, обстоятельство, казалось-бы, должно служить самымъ вѣскимъ аргументомъ противъ дальнѣйшаго развитія нашей таможенной политики по отношенію къ Финляндіи. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы укрѣплять въ сознаніи русскихъ и финляндцевъ представленіе о безусловномъ подданствѣ послѣднихъ Россіи, мы, нашею таможенною политикою, невольно играемъ въ руку партіи, питающей сепаратистическія иллюзіи!

При разсмотрѣніи исторіи хода развитія русскаго торговаго законодательства по отношенію къ Финляндіи, рѣзко бросается въ глаза явленіе, далеко не свидѣтельствующее о привилегированномъ экономическомъ положеніи этой части нашего государства, именно: *постоянное допущеніе свободнаго привоза всѣхъ, безъ исключенія, русскихъ произведеній въ Финляндію*, откуда, въ свою очередь, *мѣстныя издѣлія разрѣшаются къ вывозу въ Имперію лишь съ извѣстными ограниченіями*. Это общее правило отнюдь не вытекало изъ желанія правительства открыть для русской промышленности финляндскіе рынки, а исходило изъ предположенія о необходимости оградить Имперію отъ потаеннаго ввоза заграничныхъ произведеній черезъ Финляндію? Въ виду этого и была проведена, вскорѣ-же послѣ завоеванія Финляндіи, сперва закономъ 1811 года, а затѣмъ указомъ отъ 9-го мая 1818 года, пограничная линія между краемъ и Имперіею, а впослѣдствіи была вполнѣ установлена, по почину графа Канкрина, который неоднократно указывалъ на трудность огражденія Имперіи отъ ввоза контрабанды черезъ Финляндію. Наконецъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ виду предположенія, что высокія таможенныя пошлины Имперіи сдѣлались въ Финляндіи совершенно невозможными, въ особенности для предметовъ первой необходимости, такъ какъ край положительно наводнялся заграничными произведеніями, кото-

рыя, какъ полагали, потомъ тайно привозились въ Петербургъ и его окрестности, для Финляндіи былъ установленъ особый таможенный тарифъ, отличавшійся въ нѣкоторыхъ частяхъ отъ тарифа Имперіи, главнымъ образомъ, по предметамъ, представлявшимъ наибольше выгодъ для контрабанды. Этотъ тарифъ утвержденъ 26-го марта (7-го апрѣля) 1852 г. Но такъ какъ законъ 1835 года, съ его строгимъ ограниченіемъ провоза товаровъ изъ Финляндіи, при полной, за исключеніемъ водки, свободѣ ввоза въ край русскихъ произведеній, дѣйствовалъ слишкомъ стѣснительно на промышленность Финляндіи, то, «для проведенія большей взаимности въ торговыхъ сношеніяхъ», было изданно новое торговое положеніе, обнародованное въ Финляндіи 31-го января 1859 года. По этому положенію всѣ финляндскіе товары, произведенія и издѣлія раздѣлены на три категоріи, именно: на дозволенные къ привозу въ Россію безъ свидѣтельствъ о происхожденіи, и безпошлинно, на дозволенные къ безпошлинному привозу, но не иначе, какъ съ свидѣтельствами о финляндскомъ происхожденіи и, наконецъ, на разрѣшенные къ привозу моремъ безпошлинно и безъ свидѣтельствъ о происхожденіи. Къ первой и третьей категоріямъ отнесены исключительно сельскія произведенія и продукты кустарной промышленности, которые допускаются къ безпошлинному привозу въ Россію, между тѣмъ, какъ перечисленная во второй категоріи *большая часть* мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій разрѣшена къ вывозу въ Россію лишь въ ограниченномъ количествѣ, также какъ и иностранныя произведенія могутъ быть привозимы изъ Финляндіи въ Россію лишь съ уплатою установленныхъ ввозныхъ пошлинъ, независимо отъ того, были-ли таковыя уже уплачены въ Финляндіи. Съ другой стороны, всѣ товары русскаго происхожденія допускаются къ отпуску изъ Имперіи въ Финляндію безпошлинно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ финансоваго обложенія въ Великомъ Княжествѣ, какъ-то: хлѣбнаго вина, привозъ котораго вовсе запрещенъ, виноградныхъ винъ, сахара, патоки и соли, которые допускаются въ Финляндію съ уплатою привозной пошлины. Къ этимъ предметамъ послѣдующими распоряженіями прибавлены пиво и табакъ, также въ виду обложенія ихъ въ Финляндіи. Таково объективное, въ краткихъ чертахъ, изложеніе главныхъ основаній торговаго положенія 1859 г., и врядъ-ли отсюда, при безприст отношеніи къ дѣлу, можно вывести заключеніе о какихъ-т ставленныхъ Финляндіи «привилегіяхъ», которыя, будто-бы, русскую мануфактурную промышленность.

Перейдемъ теперь ко второму аргументу, а именно: къ указанію на возможность провоза чрезъ Финляндію контрабаднымъ способомъ тѣхъ товаровъ, которые обложены пошлинами на нашей имперской границѣ. Чувствуя недостаточность и неубѣдительность аргумента о финляндскихъ привилегіяхъ, сторонники установленія новыхъ и усиленія существующихъ финляндскихъ пошлинъ стараются подкрѣпить свои фантастическія соображенія ссылкою на контрабанду, наносящую, яко бы, страшный вредъ русской промышленности и торговлѣ. Казалось-бы, что раньше, чѣмъ предъявлять подобное обвиненіе противъ Финляндіи, сторонникамъ пошлинъ слѣдовало съ *неопровержимыми* статистическими данными въ рукахъ доказать, прежде всего, существованіе самаго факта контрабанды, а затѣмъ развитіе ея въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ совершенно или въ значительной степени парализуется дѣйствующая у насъ таможенная система. Гдѣ-же, спрашивается, эти доказательства? Мы не видимъ ихъ не только теперь, но даже въ таможенныхъ матерьялахъ того времени, когда установленіе таможенной черты между двумя частями одного и того-же государства вызывалось, именно, предположеніемъ о существо-

ваніи финляндской контрабанды въ размѣрахъ, крайне опасныхъ для нашихъ финансовыхъ интересовъ. Конечно, въ извѣстной мѣрѣ, контрабанда всегда существовала въ Финляндіи, какъ она въ настоящее время существуетъ и на нашей западной границѣ, гдѣ, какъ извѣстно, для устраненія ея требуется дорого-стоющій таможенный надзоръ, *содержаніе многочисленной стражи; но это явленіе обыденное*, вездѣ и при всякихъ условіяхъ существующее. Между финляндскими пошлинами и контрабандою такъ-же мало общаго, какъ между тѣми-же пошлинами и финляндскими привилегіями. Въ дѣйствительности, и при *прежнихъ измѣненіяхъ таможеннаго тарифа* никакихъ статистическихъ доказательствъ существованія контрабанды въ такихъ размѣрахъ, которые парализовали-бы установленныя на границѣ Имперіи пошлины, въ виду не имѣлось. Всѣ разсужденія на эту тему имѣли совершенно теоретическій характеръ и основывались, вѣроятно, только на обычныхъ ламентаціяхъ заинтересованныхъ фабрикантовъ. Такая-же безпочвенность въ сужденіяхъ замѣчается и теперь. Никакихъ прямыхъ или даже лишь косвенныхъ доказательствъ существованія контрабанды въ вышеуказанномъ смыслѣ не представляется, и требованіе усиленія пошлинъ основано исключительно на отвлеченныхъ соображеніяхъ и подозрѣніяхъ.

А между тѣмъ, въ серьезныхъ аргументахъ обратнаго характера недостатка не имѣется. *Прежде всего возникаетъ слѣдующее соображеніе.* Если-бы безпошлинный провозъ въ Россію черезъ Финляндію обложенныхъ у насъ иностранныхъ товаровъ былъ, дѣйствительно, выгоденъ для импортеровъ, то, очевидно, ввозъ ихъ этимъ путемъ долженъ былъ-бы достигнуть громадныхъ размѣровъ. Коммерсанты, само собою разумѣется, не премину̀ли-бы избрать, именно, Финляндію исключительнымъ пунктомъ для полученія товаровъ, и привозъ изъ нея представлялъ-бы огромныя цифры въ сотни милліоновъ. Что-же оказывается въ дѣйствительности? Изъ того-же «Обзора внѣшней торговли Россіи», которымъ, обыкновенно, подкрѣпляются сторонники финляндскихъ пошлинъ, оказывается, что, при заграничномъ ввозѣ въ Россію въ 1881 году, оцѣненномъ въ 476,731 милліоновъ рублей, *импортъ изъ Финляндіи достигъ лишь суммы въ* 10,369 *милл., что составляетъ* 2,13 *пр. всего ввоза изъ-заграницы.* При этомъ финляндскій импортъ, въ процентномъ отношеніи къ русскому внутреннему производству, въ отдѣльности, и къ тому-же производству вмѣстѣ съ заграничнымъ ввозомъ—составляетъ слѣдующія соотношенія: по хлопчато-бумажнымъ издѣліямъ къ первому 3,09 проц., къ послѣднему 2,96 проц., по шерстянымъ—0,098 проц. и 0,008 проц., по льняным и пеньковымъ—1,6 процентовъ и 1,28 процентовъ, по бумажному производству—12,02 проц. и 10,4 проц., по стекляннымъ, хрустальнымъ и зеркальнымъ издѣліямъ 2,13 проц. и 1,61 проц., по кровельному желѣзу—0,27 проц., по полосовому желѣзу и стальнымъ издѣліямъ—1,75 проц., по машиннымъ и механическимъ издѣліямъ—къ внутреннему производству 0,33 проц., а къ заграничному ввозу—0,225 проц.

Таковы тѣ цифры, которыми должны опредѣляться и вся совокупность экономическихъ успѣховъ Финляндіи на счетъ русской промышленности, и размѣры контрабаднаго провоза товаровъ въ Россію черезъ Финляндію. Спрашивается: каковы-же могутъ быть размѣры этой контрабанды по приведеннымъ оффиціальнымъ даннымъ? Безъ сомнѣнія, столь-же незначительны, какъ и пресловутое вліяніе финляндской конкурренціи на нашу отечественную промышленность.

Въ изданномъ по поводу послѣдней московской выставки «Историко-статистическомъ обзорѣ промышленности Россіи», подъ редакціею Д. А. Тимирязева, въ предисловіи ко II-му тому, говоря о громадныхъ успѣхахъ русской промышленности по обработкѣ волокни-

стыхъ веществъ въ теченіи послѣдняго 25-ти лѣтія, авторъ замѣчаетъ, что, въ сравненіи съ громадными размѣрами русскаго производства (560 мил. въ 1879 г.), стоимость привоза по европейской и азіятской границамъ, а также изъ Финляндіи—всего на 37 милліоновъ рублей—играетъ маловажную роль, составляя лишь 6½ проц. по отношенію къ внутренней фабрикаціи, и, слѣдовательно, не можетъ имѣть серьезнаго значенія въ смыслѣ подрыва русской промышленности. Это замѣчаніе особенно примѣнимо къ хлопчатобумажнымъ издѣліямъ, привозъ которыхъ изъ-за границы и Финляндіи не составляетъ и 3 проц. всей суммы внутренняго производства. Въ виду этого, заключаетъ авторъ, русской мануфактурной промышленности нельзя надѣяться на сколько-нибудь существенное развитіе въ будущемъ на счетъ дальнѣйшаго сокращенія иностраннаго привоза. Далѣе, изъ составленныхъ г. Тимирязевымъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ таблицъ, входящихъ въ его брошюру «О развитіи главнѣйшихъ отраслей фабрично-заводской промышленности въ Россіи съ 1850 по 1879 годъ», мы видимъ, что приростъ суммы годоваго производства достигъ по отдѣльнымъ отраслямъ слѣдующихъ цифръ, выраженныхъ въ милліонахъ рублей: именно, по бумаго-прядильному производству съ 15,9 мил. (1850 г.) до 96,5 мил. (1379 г.); по бумаго-ткацкому съ 12,8 до 55; по шерстопрядильному съ 0,4 до 5,9; по суконному съ 18,2 до 58; по производству невалянныхъ, шерстяныхъ и полушерстяныхъ тканей съ 6,9 до 21,9; по набивному, красильному и отдѣлочному производствамъ съ 16,3 до 61; по льнопрядильному съ 4,9 до 10,2; по полотняному съ 4,9 до 11,3; по пенько-прядильному съ 2,2 до 6,9; по шелко-ткацкому съ 6,4 до 7,9; по писчебумажному съ 3,2 до 9,6; по производству обоевъ съ 308,3 тысячъ рублей до 1,086; по производству химическихъ продуктовъ и красокъ съ 2,2 до 6; по кожевенному производству съ 8,6 до 42, по производству мыла и сальныхъ свѣчъ съ 4 до 10,8; по стеариновому производству съ 1,3 до 10,6; по стекляннному, хрустальному и зеркальному съ 3 до 6,8; по фаянсовому и фарфоровому съ 0,6 до 2,8; наконецъ, по машиностроительному, вагонному и механическому производствамъ съ 0,4 до 67,2 милліоновъ рублей. Изъ этихъ цифръ видно, что русская промышленность по всѣмъ поименованнымъ отраслямъ производства сдѣлала значительные успѣхи, такъ что въ отношеніи этихъ производствъ не представляется никакихъ основаній къ жалобамъ на какое-бы то ни было вредное вліяніе, тѣмъ болѣе со стороны финляндской мануфактуры, которая, по своей незначительности въ сравненіи съ русской, никакой роли въ этомъ дѣлѣ играть не можетъ. Затѣмъ, въ дополненіе къ вышеприведеннымъ цифрамъ, укажемъ еще на помѣщенныя въ 1-мъ томѣ упомянутаго «Историко-статистическаго обзора» Тимирязева свѣдѣнія по машиностроенію и производству чугуна, желѣза и стали. По сельско-хозяйственному машиностроенію мы видимъ, что въ періодъ до 1850 года оно было очень незначительно и только съ этого времени, въ особенности послѣ 1846 года, стало быстро возростать. Это увеличеніе спроса на сельскія машины замѣтно до сихъ поръ. Такъ, въ 1875 г. въ 46 губерніяхъ было 203 механическихъ заведенія, а въ 1879 г. число заведеній возросло до 340, съ производствомъ цѣнностью въ 3.980,622 руб. Наконецъ, сравненіе цифръ производства земледѣльческихъ машинъ съ данными ввоза изъ-заграницы, свободнаго отъ всякой пошлины, приводитъ къ слѣдующему заключенію: съ 1875 по 1879 годъ ежегодно производилось машинъ на 3.420,093 руб., а ввозилось на 2.730,490 руб.; такимъ образомъ, въ годъ въ Россіи производилось машинъ на 689,603 руб. болѣе, чѣмъ ввозилось, а за всѣ 5 лѣтъ излишекъ въ пользу производства составляетъ 3.438,015 р. Вообще, замѣчаетъ авторъ, производство земледѣльческихъ машинъ въ Россіи развивается съ каждымъ годомъ

въ такой степени, что ввозъ иностранныхъ машинъ уже не представляетъ для него опаснаго соперничества.

Относительно желѣза, стали и чугуна мы изъ того-же источника узнаемъ, что въ 1860 г. общая производительность чугуна показана въ 20.467,526 пудовъ, въ томъ числѣ на Финляндію 885,826 пудовъ, а въ 1880 году всего 27.375,370 пудовъ, въ томъ числѣ на Финляндію 1.284,449 пудовъ. Изъ этихъ данныхъ видно, какую ничтожную роль играетъ выдѣлка чугуна въ Финляндіи, въ сравненіи съ той-же производительностью въ Россіи, и какъ незамѣтна была-бы конкурренція Финляндіи, если-бы даже весь чугунъ въ дѣлѣ проникъ въ Имперію.

Такая-же картина представляется намъ и по отношенію къ производству желѣза и стали. Всѣ данныя о послѣднихъ точно такъ-же свидѣтельствуютъ намъ о постепенномъ развитіи русской и сравнительной незначительности финляндской производительности на ряду съ русскою. Это видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1860 году общая производительность желѣза и стали показана въ 12.942,190 пудовъ, въ томъ числѣ на Финляндію 475,498 пудовъ, и въ 1880 году 35.591,929 пудовъ, а на Финляндію 973,684 пуда.

Такова, въ общихъ чертахъ, картина развитія русской мануфактурной промышленности за послѣднее двадцатипятилѣтіе рядомъ съ финляндскою. Спрашивается, изъ-за чего-же загорѣлся весь споръ и на чемъ основаны страстные нападки на финляндскія «привилегіи» и конкурренцію финляндскихъ издѣлій съ русскими фабрикатами?

Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что таможенная черта, существующая между Россіею и Финляндіею, представляетъ собою совершенно небывалое и необычное явленіе. Самое понятіе о таможенной чертѣ предполагаетъ полную равноправность сторонъ, между которыми она проведена, въ установленіи пошлинъ, въ избраніи средствъ для веденія экономической борьбы и охраны внутренняго производства. Такъ, Германія всегда можетъ отвѣтить на нашу таможенную политику, такъ называемыми, оборонительными пошлинами. Обладаетъ-ли такимъ-же правомъ Финляндія? Нѣтъ. Мы можемъ обложить товары, идущіе къ намъ изъ Финляндіи, какою угодно пошлиною, а Финляндія по отношенію къ нашимъ товарамъ сдѣлать того-же не можетъ или если можетъ, то, конечно, только съ нашего разрѣшенія. Что-же это за удивительная таможенная черта, по обѣимъ сторонамъ которой одинъ и тотъ-же хозяинъ? Этотъ очевидный экономическій nonsens служитъ лучшимъ доказательствомъ всей несообразности самаго обособленія Финляндіи отъ Россіи. Правда, на это могутъ возразить, что нелѣпо было-бы предоставлять извѣстной части одного государства средства для борьбы съ остальною его частью. Совершенно справедливо. А чтобы такой борьбы не было, проще всего, конечно, уничтожить самый поводъ къ ней, а въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, таможенную черту, замѣнивъ ее практикующимися на другихъ границахъ Имперіи средствами борьбы съ контрабандой. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, признать нормальнымъ такое положеніе, при которомъ одна часть государства, наиболѣе сильная, дѣйствуетъ противъ другой, слабой части, какъ по отношенію къ иностранному государству, хорошо сознавая въ то-же время, что подобныя дѣйствія не могутъ быть нейтрализованы тѣмъ-же оружіемъ. Весьма возможно, что сокращеніе или, пожалуй, и совершенное упраздненіе торговыхъ оборотовъ между Россіею и Финляндіею прекратило-бы навсегда поводы къ вѣчнымъ жалобамъ и завистливымъ попрекамъ по отношенію къ Финляндіи. Но такой шагъ былъ-бы, конечно, рискованъ и невыгоденъ для обѣихъ сторонъ, въ особенности-же для самой Россіи и съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ. Не слѣдуетъ забывать, что торговый балансъ между обѣими сторонами складывается пока въ пользу не Фин-

ляндіи, а Россіи. Такъ, въ 1861 году торговые обороты съ краемъ представляли всего цѣнность въ 14 милліоновъ кредитныхъ рублей, причемъ на русскій отпускъ приходилось слишкомъ 8½ милліоновъ рублей, а на привозъ нѣсколько менѣе 5½ милліоновъ. Спустя двадцать лѣтъ, т. е. въ 1881 г., торговые обороты съ Финляндіею возросли слишкомъ въ три раза и достигли цѣнности въ 47 милліоновъ, причемъ на отпускъ пришлось болѣе 27 милліоновъ, а на привозъ немного менѣе 20 милліоновъ.

Настоящее-же состояніе торговаго баланса лучше всего выясняется при составленіи заимствованныхъ изъ оффиціальныхъ источниковъ свѣдѣній о цѣнности главнѣйшихъ фабрикатовъ, вывезенныхъ въ 1881 году изъ Россіи въ Финляндію, съ цѣнностью финляндскихъ товаровъ, отпущенныхъ въ томъ-же году изъ Финляндіи въ Россію. Такъ, изъ Россіи въ Финляндію вывезено тканей на 9.631,672 марки, кожевенныхъ издѣлій на 1,792,851 марку, веревокъ и каната на 1.055,248 марокъ, готоваго платья на 990,731 марку, желѣза и стали въ дѣлѣ на 971,815 марокъ, конфектовъ на 934,777 марокъ, обуви на 795,885 марокъ, шапокъ на 883,091 марку, печеній на 772,884 марки, бумаги всякаго рода на 708,839 марокъ, освѣтительнаго матеріала на 678,772 марки, мыла на 616,871 марку, стеклянныхъ издѣлій всякаго рода на 647,818 марокъ, перчатокъ на 349,090 марокъ, прядильныхъ издѣлій на 394,080 марокъ, галантерейныхъ товаровъ на 352,015 марокъ, столярныхъ и токарныхъ товаровъ на 359,279 марокъ, фарфоровыхъ и фаянсовыхъ издѣлій на 223,638 марокъ, сѣдельныхъ издѣлій на 205,428 марокъ, музыкальныхъ инструментовъ на 242,222 марки, шкуръ и кожъ въ дѣлѣ на 265,387 марки, дѣтскихъ игрушекъ на 123,345 марокъ, мѣдныхъ издѣлій на 163,745 марокъ, шубъ на 113,084 марки, гипсовыхъ издѣлій на 100,497 марокъ, и т. д.—всего—съ отпускомъ зерновыхъ продуктовъ и разнаго сырья—цѣнностью въ названномъ году на 68.356,241 марку. Съ другой стороны, вывезено изъ Финляндіи въ Россію въ 1881 году: тканей на 8.396,470 марокъ, бумаги всякаго рода на 6.469,761 марку, желѣза и стали въ дѣлѣ на 5.770,194 марки (что составляетъ, при ежегодномъ ввозѣ въ Россію желѣзныхъ издѣлій на сумму отъ 75 до 90 милліоновъ рублей, отъ 2 до 2½ процента этого количества), папки на 2.165,802 марки, стеклянныхъ издѣлій на 1.901,088 марокъ, прядильныхъ издѣлій на 800,860 марокъ, фарфоровыхъ и фаянсовыхъ издѣлій на 245,175 марокъ, готоваго платья на 181,327 марокъ, и т. д. Всего мануфактурныхъ издѣлій, въ связи съ продуктами лѣсоводства, земледѣлія и скотоводства, въ 1881 году, на 49.891,877 марокъ. Слѣдовательно, ввозъ русскихъ товаровъ превысилъ отпускъ финляндскихъ на 18.464,562 марки. Наконецъ, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ оффиціальнаго статистическаго обзора, въ Гельсингфорсѣ весь оборотъ показанъ цѣнностью въ 126,211,419 марокъ (около 50½ милліоновъ кредитныхъ рублей), причемъ на русскій привозъ въ Финляндію приходится 71.740,951 марка (28½ милліоновъ кредитныхъ рублей), а на финляндскій вывозъ въ Россію всего лишь 54.470,468 марокъ (21½ милліон. кредитныхъ руб).

Изъ этихъ оффиціальныхъ цифръ, заимствованныхъ изъ финляндскихъ правительственныхъ источниковъ и собранныхъ раньше возникновенія теперешнихъ споровъ, видно, что, при систематическомъ стѣсненіи естественныхъ торговыхъ сношеній между Россіею и Финляндіею, прежде всего, пострадаютъ русская торговля и русскій вывозъ въ край какъ хлѣба, такъ и мануфактурныхъ издѣлій, между тѣмъ, какъ въ Финляндіи произойдетъ экономическій кризисъ, повторяемъ, безъ вины съ ея стороны, такъ какъ финляндская мануфактурная промышленность, основываясь на силѣ и обязательности торговаго положенія 1858 года, естественнымъ путемъ должна была

направить всѣ свои усилія къ удовлетворенію русскаго спроса, а главнымъ образомъ—петербургскаго. Такое тяготѣніе финляндской производительности къ Россіи, съ одной стороны, совершенно естественно обусловливается близостью Финляндіи къ столицѣ и удобствами путей сообщенія, а съ другой стороны —непосредственно вытекаетъ изъ постепенно усилившагося вывоза въ Финляндію русскихъ товаровъ, которые могутъ найти себѣ помѣщеніе въ краѣ только подъ условіемъ оживленія, а не сокращенія взаимныхъ торговыхъ оборотовъ. И если при настоящемъ положеніи дѣла, главнымъ образомъ, въ виду неизбѣжнаго различія въ таможенныхъ системахъ въ Россіи и Финляндіи, финляндская промышленность можетъ быть поставлена въ лучшія условія по отношенію къ нѣкоторымъ отраслямъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые петербургскіе фабриканты «терпятъ убытки», т. е., вѣрнѣе сказать, не получаютъ такихъ-же барышей, какъ московскіе ихъ собратья,—то, съ одной стороны, Россія находится, какъ мы доказали, въ *лучшихъ условіяхъ* по отношенію ко всей совокупности торговыхъ оборотовъ между нею и Финляндіею, а съ другой стороны—нельзя-же ставить Финляндію только въ *худшія условія* по отношенію къ Россіи, ради интересовъ двухъ-трехъ фабрикантовъ и въ ущербъ *русскимъ-же потребителямъ*, какъ мы это докажемъ дальше. Вообще, казалось-бы, что въ сужденіяхъ о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Финляндіей слѣдуетъ руководствоваться не личными интересами нѣкоторыхъ фабрикантовъ, а обще-государственными соображеніями; съ этой-же точки зрѣнія нѣтъ никакихъ основаній къ дальнѣйшему стѣсненію естественныхъ торговыхъ сношеній между краемъ и Имперіею и къ искусственному направленію финляндской торговли за-границу.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Финляндіи въ Россію служитъ бумага. Такъ какъ эта отрасль производства нашла себѣ весьма благопріятныя условія въ обиліи водяной силы, лѣса и проч., то она въ короткое время получила прочное развитіе въ странѣ. Финляндская бумага начала довольно успѣшно конкуррировать съ русскою и, преимущественно, съ произведеніями петербургскихъ писчебумажныхъ фабрикъ. Такая конкурренція, конечно, не могла быть пріятна владѣльцамъ послѣднихъ и они поспѣшили забить тревогу. Общими силами они составили обвинительный актъ противъ финляндцевъ, дерзнувшихъ посягнуть на ихъ монополію, и представили его въ министерство финансовъ съ ходатайствомъ объ установленіи пошлины на бумагу въ размѣрѣ 80 к. за пудъ. Одинъ-же изъ фабрикантовъ проектировалъ нѣсколько категорій пошлинъ, соотвѣтственно сортамъ писчебумажнаго товара, отъ 20 до 80 коп. за пудъ. Ходатайства фабрикантовъ подкрѣплялись указаніемъ на существующую, будто-бы, въ Финляндіи дешевизну производства бумаги, сравнительно со стоимостью выдѣлки ея въ Россіи. Это и составляетъ третій аргументъ въ пользу установленія и возвышенія финляндскихъ пошлинъ.

Дешевизна производства бумаги въ Финляндіи, по увѣренію петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ, происходитъ, во-первыхъ, отъ изобилія дешевыхъ водяныхъ двигателей, во-вторыхъ, отъ гораздо меньшихъ расходовъ по уплатѣ пошлины за получаемые изъ-за границы необходимые для писчебумажнаго производства матеріалы и машины, въ-третьихъ, вслѣдствіе высокой вывозной пошлины на тряпье, установленной въ Финляндіи и задерживающей отпускъ его за границу, и, въ-четвертыхъ, вслѣдствіе ничтожной стоимости древесной массы, какъ продукта мѣстнаго производства. Для вящаго подкрѣпленія своихъ ламентацій петербургскіе и московскіе фабриканты сослались и на благопріятное географическое положеніе

Финляндіи и даже на большее тамъ число рабочихъ дней въ году. Согласно вычисленіямъ, сдѣланнымъ русскими фабрикантами, производство одного пуда бумаги средняго сорта, изготовленной изъ смѣси тряпья и древесной массы, обходится въ Финляндіи на 1 р. 4 к. кред. дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Изъ этихъ разсчетовъ и вытекаетъ требованіе объ установленіи «уравнительной пошлины» въ 80 к. за пудъ золотомъ.

Особое Совѣщаніе, образованное при министерствѣ финансовъ для разсмотрѣнія вопроса о финляндскихъ пошлинахъ, само собою разумѣется, не могло принять безъ провѣрки данныя, представленныя одною изъ заинтересованныхъ сторонъ. Оно признало необходимымъ для правильнаго сужденія о предметѣ, во-первыхъ, собрать возможно полный статистическій матеріалъ, а во-вторыхъ, выслушать и другую сторону. Въ какой мѣрѣ и то, и другое представлялось важнымъ, можно судить уже потому, что доводы петербургскихъ фабрикантовъ не нашли себѣ въ нихъ ни малѣйшаго подтвержденія.

Обратимся сначала къ цифрамъ. Вывозъ писчебумажнаго товара изъ Финляндіи въ Россію за послѣднія 6—7 лѣтъ, дѣйствительно, увеличился, приблизительно, въ полтора раза. Такъ, въ 1879 г. было вывезено 662 тыс. пуд., а въ 1883 г.—887 тыс. пуд. Но это увеличеніе ввоза не могло оказать ни малѣйшаго вліянія на пониженіе цѣнъ и упадокъ производства русскихъ фабрикъ. Это доказывается тѣмъ, что число послѣднихъ за тотъ-же періодъ времени возросло съ 126 на 136, число рабочихъ возросло на 2 тыс. человѣкъ, а сумма производства увеличилась съ 9 мил. руб. на 12 мил Такимъ образомъ, уже одними этими данными доказывается, что ни какого «гнета» финляндская бумага на русское производство оказать не могла. Увеличеніе ввоза финляндской бумаги объясняется естественнымъ ростомъ спроса на эти продукты и расширеніемъ круга потребителей, вообще, причемъ русскія фабрики нисколько не сокращаютъ своего производства и не терпятъ никакихъ убытковъ Слѣдовательно, приходится признать, что Финляндія не столько конкурируетъ съ нами, сколько восполняетъ пробѣлъ. Изъ-за чего-же въ такомъ случаѣ, волнуются русскіе и, въ особенности, петербургскіе фабриканты? Дѣло въ томъ, что въ одной отрасли бумажнаг производства Финляндія нѣкоторое время дѣйствительно оказывал чувствительную конкурренцію петербургскимъ и московскимъ фабрикантамъ, т. е. уменьшала ихъ и безъ того значительные барыши По этой статьѣ и обнаружился главный приростъ финляндскаг ввоза. Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній финляндскаго таможеннаго вѣдомства видно, что въ 1879 году ввозъ печатной бумаги не превышалъ 2 тыс. пуд, на сумму 15 тыс. руб., а въ 1882 году онъ достигъ уже 140 тыс. пуд., на сумму 1.215,000 р., т. е. въ теченіе трехъ лѣтъ увеличился въ 70 разъ. Это обстоятельство и смутило петербургскихъ фабрикантовъ и заставило ихъ потребовать охраны «отечественнаго» производства, тѣмъ болѣе, что спросъ, именно, на печатную бумагу уменьшился. Но въ данномъ случаѣ виноваты были сами-же русскіе фабриканты. Печатная бумага пріобрѣтается въ большихъ количествахъ какъ періодическими изданіями, такъ и разными издательскими фирмами и типографіями. Почти не располагая никакимъ банковскимъ кредитомъ, доступнымъ только для купцовъ они, естественно, нуждаются въ товарномъ кредитѣ. Однако, наши бумажные фабриканты, съ одной стороны, чувствуя свое монопольное положеніе, созданное отсутствіемъ иностранной конкурренціи въ виду существующихъ запретительныхъ пошлинъ на заграничную бумагу, а съ другой стороны—*не довѣряя кредитоспособности періодической печати*, вслѣдствіе ея подцензурнаго положенія, почти совершенно отказывали издателямъ въ кредитѣ, отпуская товаръ лишь за наличныя деньги. Финляндцы-же, напротивъ, оказывал

кредитъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, даже каждому вновь возникавшему *изданію, не справляясь объ опасностяхъ, представляемыхъ* цензурными условіями; и принимая въ соображеніе неизбѣжную въ каждомъ дѣлѣ благоразумную осторожность предпринимателя. Такимъ образомъ, благодаря Финляндіи, создались двѣ трети *существующихъ нынѣ петербургскихъ изданій, и за это русская періодическая* печать можетъ быть ей только признательна.

Не лишне замѣтить, что при установленіи пошлинъ, вообще, у насъ, обыкновенно, не принимается въ разсчетъ отмѣченный здѣсь *весьма важный факторъ международныхъ торговыхъ отношеній*, —т. е. кредитъ. Налагая, напримѣръ, пошлину на сельско-хозяйственныя орудія, упускается изъ виду, что иностранные производители отпускаютъ такія орудія нашимъ землевладѣльцамъ, безъ особыхъ хлопотъ со стороны послѣднихъ, въ кредитъ на очень долгіе сроки, отъ одного до пяти лѣтъ, а такъ какъ отечественные фабриканты такого кредита давать не могутъ, то само собою разумѣется, что никакія пошлины не уменьшатъ ввоза иностранныхъ орудій въ Россію и онѣ лягутъ только тяжелымъ бременемъ на русскихъ потребителей въ пользу казны, вовсе не искавшей въ этихъ пошлинахъ фискальныхъ выгодъ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно финляндской бумаги. Обложите ее какою угодно пошлиною, — кромѣ, конечно, абсолютно запретительной, — и она, все-таки, будетъ пріобрѣтаться издателями, не находящими себѣ кредита у русскихъ фабрикантовъ. Доказательство на лицо. Въ 1883 г. ввозъ финляндской печатной бумаги сразу уменьшился съ 140 тыс. до 24 тыс., и это произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе открытія русскими фабрикантами кредита нѣкоторымъ распространеннымъ изданіямъ. Въ настоящее время, сколько извѣстно, только одинъ мѣсячный журналъ и одна нераспространенная ежедневная газета пользуются финляндскою бумагою. Всѣ-же остальныя пользуются бумагою петербургскихъ фабрикантовъ.

Что касается дешевизны производства, доставляющей, будто-бы, финляндцамъ такія преимущества, которыя исключаютъ возможность конкурренціи съ ними, то, несмотря на чрезвычайную подробность разсчетовъ, представленныхъ русскими фабрикантами, она должна быть отнесена къ области фантастическихъ измышленій. На эти доводы и разсчеты и пришлось отвѣчать финляндскимъ делегатамъ, къ которымъ Совѣщаніе обратилось съ запросомъ. Что-же показали русскіе *фабриканты* и что отвѣтили финляндцы?

По разсчету, представленному нашими фабрикантами, производство одного пуда бумаги, средняго сорта, обходится въ Финляндіи на 1 р. 4 к. кред. дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Сумма эта *слагается изъ 10 к. разницы по оплатѣ* пошлиною заграничныхъ матеріаловъ и машинъ, 41 к. разницы въ расходѣ на топливо, принимая стоимость кубической сажени дровъ для Петербурга въ 20 р., а для Финляндіи въ 11 р., 36 к., разницы въ расходѣ на древесную массу, цѣна *которой въ Петербургѣ 1 р. 78 к. за пудъ*, а въ Финляндіи 1 р. 10 к., разницы въ расходѣ на тряпье, обходящееся русскимъ фабрикантамъ отъ 1 р. 50 до 2 р. за пудъ, а финляндцамъ въ 1 р. 60 к.

Всѣ эти разсчеты, *конечно, не трудно было сдѣлать на основаніи* взятыхъ данныхъ, но спрашивается: насколько послѣднія вѣрны? Изъ отвѣта финляндскихъ делегатовъ несомнѣнно явствуетъ, что основаніемъ для вышеприведеннаго разсчета послужили совершенно произвольныя цифры. Такъ, указаніе на то, что *многіе предметы и* машины, необходимые для бумажнаго производства, получаются Финляндіею безпошлинно или съ уплатою меньшей пошлины, не имѣетъ почти никакого значенія. Во-первыхъ, машины пріобрѣтаются *одинъ разъ* при устройствѣ фабрики и возобновляются очень рѣдко, а по-

тому большая или меньшая стоимость ихъ можетъ имѣть прямое вліяніе на общій размѣръ оборотнаго капитала предпріятія и лишь отдаленное, косвенное вліяніе на будущія прибыли отъ производства. Во-вторыхъ, машины не подлежатъ оплатѣ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ получаются въ цѣломъ видѣ и на одномъ суднѣ, приходящія-же въ частяхъ, какъ это почти всегда бываетъ, оплачиваются пошлиною. Что касается красокъ, соды и проч. предметовъ, получаемыхъ изъ-заграницы, то здѣсь разница въ пользу Финляндіи хотя и существуетъ, но крайне ничтожная. Совершенно неосновательно также указаніе русскихъ фабрикантовъ на разницу въ цѣнахъ на тряпье. 100 фунтовъ финляндскаго тряпья стоитъ 12 марокъ; но финляндское бумажное производство потребляетъ, преимущественно, русское тряпье, обходящееся фабрикантамъ, считая провозъ въ Финляндію, по 1 р. 90 к. за пудъ. Русскій-же фабрикантъ платитъ за то-же тряпье лишь 1 р. 50 к. за пудъ, такъ что разница на 100,000 пуд. въ 12,250 р. оказывается прямо въ пользу Россіи, а не Финляндіи.

Затѣмъ, при своихъ разсчетахъ русскіе фабриканты совершенно упустили изъ виду расходы Финляндіи на фрахты и агентуру. Первые составляютъ въ пользу Россіи 20,00, а вторые 16,50 кр. к. на пудъ. Если признать вѣрнымъ указаніе петербургскихъ фабрикантовъ на различную стоимость топлива, т. е. дровъ, въ Финляндіи и Россіи, то получится разница въ пользу послѣдней въ 31,83 к. на пудъ бумаги. Но кому-же неизвѣстно, что фабриканты пользуются, въ качествѣ топлива, преимущественно каменнымъ углемъ, совершенно сглаживающимъ указываемую разницу? При этомъ нельзя оставить безъ вниманія, что хотя на финляндскихъ фабрикахъ, пользующихся водяною силою, расходъ топлива нѣсколько меньше, но за то русскіе фабриканты совершенно не приняли въ разсчетъ расходовъ по устройству и содержанію вододѣйствующихъ машинъ, а также по уплатѣ вознагражденія за пользованіе водяною силою, составляющей нерѣдко частную собственность. Въ самомъ дѣлѣ: фабрика, работающая посредствомъ пара, можетъ пріобрѣсти себѣ котелъ потребнаго количества силъ; для водяной-же силы необходимо пріобрѣсти цѣлый водопадъ, большую часть рѣки и т. п. На рѣкѣ Кюмене, напр., существуетъ финляндская фабрика древесной массы, владѣльцы которой затратили около полумилліона марокъ на цѣлый водопадъ, содержащій въ себѣ около 50 тыс. лошадиныхъ силъ, тогда какъ для фабрики достаточно четырехсотъ и менѣе. Не смотря, однако, на силу водопада, зимою вода замерзаетъ, и ее, все-таки, приходится замѣнять паровою силою, для чего на фабрикѣ имѣется въ запасѣ дорогостоющая паровая машина.

А насколько правильными могутъ считаться разсчеты русскихъ фабрикантовъ относительно древесной массы, видно хотя-бы изъ того, что, по увѣренію петербургскихъ, этотъ продуктъ обходится въ Финляндіи въ 1 руб. за пудъ, а по увѣренію московскихъ— въ 50 коп. Болѣе наглядиаго противорѣчія фабриканты придумать не могли, чтобы дискредитировать свои показанія!.. Затѣмъ, если принять во вниманіе, что древесная масса, потребляемая русскими фабриками, получается въ значительныхъ количествахъ изъ Финляндіи, то не странно-ли, что никто изъ русскихъ фабрикантовъ не протестовалъ противъ ея обложенія? Какой-же производитель можетъ желать обложенія сырья?! Необходимо, кстати, замѣтить, что пошлина на древесную массу, помимо ея невыгодъ для русскихъ фабрикантовъ, принесла-бы безусловный вредъ и государству. Во-первыхъ, производить древесную массу въ потребномъ количествѣ мы не можемъ за отсутствіемъ доступныхъ и расположенныхъ близъ желѣзныхъ дорогъ лѣсовъ. Изготовленіе-же ея въ отдаленныхъ мѣстахъ и на окраинахъ чрезвычайно возвысило-бы цѣнность продукта, вслѣдствіе дороговиз-

ны перевозки. Во-вторыхъ, въ то время, когда наше правительство озабочено возможною охраною лѣсовъ и изысканіемъ мѣръ противъ хищническаго ихъ истребленія, всякое поощреніе промышленности, въ основѣ которой, по самому существу ея, лежитъ лѣсоистребленіе, едва-ли можетъ быть признано полезнымъ и желательнымъ. Казалось-бы, напротивъ, что если-бы въ настоящее время возникла мысль объ устройствѣ фабрикъ древесной массы, то слѣдовало-бы для этой цѣли прежде всего указать на Финляндію, гдѣ человѣкъ вѣчно борется съ лѣсомъ, стараясь отвоевать у него клочекъ для пастбища или посѣва.

Чуть-ли не самымъ вѣскимъ аргументомъ въ пользу установленія пошлинъ выставляется то обстоятельство, что много русскихъ писчебумажныхъ фабрикъ за послѣднее время закрылось, а вмѣстѣ съ тѣмъ сократилось у насъ производство бумаги, благодаря вліянію финляндской конкурренціи. Основано-ли это увѣреніе на какихъ-либо положительныхъ данныхъ? Нисколько. Дѣйствительно, число фабрикъ за истекшее-десятилѣтіе нѣсколько сократилось. Начиная съ 1874 года, когда ихъ насчитывалось въ Россіи 158, ежегодно закрывалось нѣсколько фабрикъ и въ настоящее время ихъ насчитывается только 136. Но развѣ эти цифры, взятыя совершенно отдѣльно, что-нибудь доказываютъ? Для того, чтобы опредѣлить ихъ дѣйствительное значеніе, необходимо взять ихъ въ связи съ общимъ результатомъ производства. Слѣдующая таблица даетъ намъ наглядное представленіе объ истинномъ положеніи бумажнаго производства въ Россіи за десятилѣтній періодъ времени съ 1874 по 1883 годъ.

Годы.	Число фабрикъ.	Сумма производства. Руб.
1874	158	9.928,000
1875	141	9.470,000
1876	131	9.099,000
1877	125	8.279,000
1878	131	8.562,000
1879	126	9.567,000
1880	133	10.737,500
1881	133	11.869,500
1882	131	12.603,900
1882	136	12.991,000

Что-же говорятъ эти цифры? Прежде всего онѣ указываютъ на прогрессивный ростъ этой отрасли промышленности въ Россіи. Въ теченіи 10-ти лѣтъ годовая производительность увеличилась слишкомъ на 3 милл. руб. Слѣдовательно, уменьшеніе числа фабрикъ зависѣло не отъ упадка писчебумажнаго производства въ Россіи, которое, напротивъ, развивалось и, особенно, въ пору самой усиленной конкурренціи со стороны Финляндіи, а отъ иныхъ причинъ, отчасти естественныхъ и неизбѣжныхъ, отчасти-же случайныхъ. Къ первымъ надо отнести невозможность существованія многихъ фабрикъ при измѣнившихся техническихъ условіяхъ производства, когда машины и паръ начали вытѣснять ручной способъ. Понятно, что многія фабрики, встрѣтивъ серьезную конкурренцію въ самой Россіи, закрылись. Но это *сокращеніе было*, въ сущности, только кажущимся. Въ дѣйствительности-же, каждая вновь построенная фабрика съ бумагодѣлательною машиною замѣнила нѣсколько прежнихъ съ ручнымъ производствомъ (одна петербургская писчебумажная фабрика обладаетъ въ настоящее время *такими обширными механическими средствами*, что можетъ удовлетворить весь спросъ со стороны періодическихъ изданій существующихъ въ Петербургѣ). Къ случайнымъ же причинамъ закрытія нѣкоторыхъ фабрикъ могутъ быть причислены такія, которыя встрѣчаются во всякомъ предпріятіи, какъ: *недостатокъ оборот-*

наго капитала, плохое управленіе, жизнь не по средствамъ и т. д. Всѣ перечисленныя причины обѣихъ категорій не имѣютъ, конечно, ничего общаго съ финляндскою конкурренціею.

Прежде, чѣмъ высказываться на этотъ счетъ категорически и взваливать вину на ни въ чемъ неповинныхъ сосѣдей, лучше всего было-бы навести справку у самихъ фабрикантовъ, прекратившихъ свою дѣятельность. Для министерства финансовъ это было-бы не особенно затруднительно, тѣмъ болѣе, что надъ нѣкоторыми фабриками учреждены администраціи, обстоятельно изслѣдовавшія причины паденія послѣднихъ. Кто виноватъ, если, напримѣръ, г. Кенигу пришла фантазія выстроить писчебумажную фабрику у Новообводнаго канала, вода котораго никуда не годится и фильтрованіе которой обходится страшно дорого? Кто виноватъ, если учредители бабинской фабрики затрачиваютъ болѣе 500 тыс. рублей на постройку палаццо для фабрики въ 20 верстахъ отъ ст. Бабино при рѣчкѣ, которая временами совсѣмъ высыхаетъ, временами-же заливаетъ всю фабрику, и къ станціи нѣтъ ни проходу, ни проѣзду? Кто виноватъ въ банкротствѣ англичанъ Говарда и Брейтвейда, вздумавшихъ, посредствомъ машинъ старой конструкціи, конкуррировать съ фабрикой Варгунина? Виновата-ли, наконецъ, Финляндія въ томъ, что Варгунинъ, отбивъ у покровской фабрики большой карточный заказъ, заставилъ ее ликвидировать свои дѣла, или въ томъ, что Соловьевъ (Знаменская фабрика въ Новгородѣ), выдавъ массу фиктивныхъ векселей, платилъ за себя и за другихъ, пока не очутился въ острогѣ, или въ томъ, что Крыловъ, имѣя въ Петербургѣ самые крупные заказы, довелъ свои дѣла до полнаго разстройства своимъ неразсчетливымъ управленіемъ и другими средствами, ничего общаго съ финляндскою конкурренціею не имѣющими? Неужели-же во всѣхъ этихъ бѣдахъ повинны финляндцы? Приведенныя выше цифры, наоборотъ, доказываютъ, что, не смотря на финляндскую конкурренцію, русское производство развилось и достигло въ 1883 году почти 13 мил. руб. Только въ одной спеціальной отрасли производства, собственно, печатной бумаги, быть можетъ, русскія фабрики испытываютъ нѣкоторое сокращеніе спроса, но это объясняется значительнымъ сокращеніемъ числа періодическихъ изданій, въ чемъ Финляндія также нисколько неповинна.

Вообще, какъ-то дико и странно слышать жалобы со стороны русскихъ бумажныхъ фабрикантовъ, имущественная состоятельность и торговые успѣхи которыхъ всѣмъ извѣстны. Для того, чтобы судить, чье положеніе благопріятнѣе, русскихъ-ли фабрикантовъ, или финляндскихъ, всего естественнѣе было-бы сдѣлать сравненіе между чистыми прибылями, получаемыми тѣми и другими. Въ Финляндіи почти всѣ предпріятія основаны на акціонерномъ началѣ, при которомъ скрыть прибыли не представляется возможности. Въ виду этого, возникаетъ слѣдующій вопросъ: если разница въ расходахъ производства финляндскихъ и русскихъ фабрикъ такъ велика, что одна «уравнительная» пошлина можетъ достигать 80 коп. зол. на пудъ, то финляндскія фабрики должны-бы выдавать дивидендъ, по меньшей мѣрѣ, пропорціонально этой разницѣ. Что-же оказывается въ дѣйствительности? Акціонерное общество самой большой фабрики Кюмене, противъ которой направлены, главнымъ образомъ, жалобы петербургскихъ фабрикантовъ, со дня своего основанія (въ 1876 г.) не выдавало ни копейки дивиденда. Общество фабрики Валькеокоски, основанной въ 1873 г., въ первый разъ выдало дивидендъ только въ 1881 году и лишь въ размѣрѣ 3 проц., а второй разъ въ 1883 г. — въ размѣрѣ $4^1/_2$ проц. Кузанковское акціонерное общество, основанное, кажется, въ 1864 году, выдало въ первой разъ дивидендъ въ 1883 г. въ размѣрѣ 4 проц. «Ингеройсъ» не выдавалъ дивиденда со дня своего основанія и т. д. Таковы результаты дѣятельности большинства фин-

ляндскихъ фабрикъ. Есть, правда, двѣ-три фабрики, выдававшія дивидендъ въ размѣрѣ отъ 8 до 10 проц., но, вѣдь, подобными исключеніями общее положеніе промышленности опредѣлять невозможно. Гдѣ-же, спрашивается, эта разница въ 80 коп. зол. на пудъ, попадающихъ въ карманы владѣльцевъ фабрикъ!?

Изъ всего изложеннаго получается неопровержимый выводъ, что никакими особенными преимуществами сравнительно съ Россіею Финляндія не пользуется и что установленіе какой-бы то ни было, даже самой ничтожной, пошлины на бумагу является не только крайней несправедливостью, но и непрактичнымъ дѣломъ, которое послужитъ во вредъ столько-же намъ, сколько и Финляндіи. Русскіе фабриканты, добившись усиленія старыхъ и установленія новыхъ пошлинъ на финляндскія произведенія, повысятъ цѣны на продукты своего производства и обложатъ потребителей новымъ налогомъ. Казна-же, въ свою очередь, ничего не выиграетъ, такъ какъ, за прекращеніемъ ввоза, облагать нечего будетъ.

Вообще, слѣдовало-бы признать, что бумага, какъ проводникъ просвѣщенія, должна быть совершенно свободна отъ всякаго обложенія. По количеству потребляемой въ странѣ бумаги можно, конечно, судить о степени развитія и грамотности народа. Въ этомъ отношеніи мы далеко отстали отъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Въ то время, какъ во Франціи, напримѣръ, на каждаго жителя приходится въ годъ 9 фунтовъ бумаги, у насъ всего—0,7 фун. Поэтому, намъ болѣе, чѣмъ кому-либо, слѣдуетъ заботиться о дешевизнѣ проводниковъ просвѣщенія, первое мѣсто среди которыхъ занимаетъ бумага.

15 ФЕВ 19[illegible]

, 21-го Мая 1885 г.

Типографія газеты „НОВОСТИ“, Мойка № 90.